

К.и.н. Тимошенкова Е.П.,
старший научный сотрудник
Центра германских исследований
Института Европы РАН

**«Германский вопрос» во внешней политике Советского Союза в 1950-е годы и
«нота Сталина».**

Немецкий исследователь В. Лот в своей книге «Нелюбимый ребенок Сталина. Почему Москва не хотела ГДР?» назвал образование Германской Демократической Республики в 1949г. «нежеланным детищем» Кремля¹. С этим утверждением можно согласиться. На наш взгляд, ГДР в понимании ее основателей являлась образованием временным, «средством для достижения цели, государством на время». Сталин не мог отказаться от своей зоны оккупации, обладание которой давало ему возможность участвовать в формировании послевоенной Германии. О его согласии на присоединение восточной зоны к возникшей Федеративной республике, естественно, не могло быть и речи. Не соответствовала советским интересам и ситуация, при которой под контролем СССР оказалась бы часть страны, не оформленная как государство и поэтому обладавшая меньшим политическим весом. После образования ФРГ восточная часть Германии должна была, с точки зрения советского руководства, также обрести статус государства. ГДР, возникала как временное, переходное образование.

«Нежеланным детищем» оказалась и Федеративная Республика Германия для Запада. США нуждались в западногерманской армии, которой предстояло защищать участок фронта против потенциального наступления Советского Союза. Предполагалось, что часть Германии будет легче удержать под контролем, чем всю страну. Поддержание претензий ФРГ на присоединение Восточной Германии должно было, вероятно, служить средством для укрощения политической динамики государства, которое практически сразу стало «экономическим великаном» Западной Европы.

Фактически создание обоих немецких государств состоялось против воли немецкого народа, который в те годы желал скорейшего объединения своей страны, и явилось «нежеланным» следствием холодной войны.

Следует отметить, что с этого момента на решение германской проблемы помимо позиций держав - победительниц, в чью компетенцию, собственно и входил германской вопрос, все большее влияние стал оказывать такой фактор, как политика двух образованных на территории Германии государств. Создание ФРГ и ГДР привело к тому, что для многих германских лидеров сохранение собственных позиций приобрело особую значимость.

---

¹ Loth W. Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte. Berlin, 1994

Обеспеченная власть над частью страны оказалась для них более привлекательной, чем не гарантированная перспектива получения власти в общенациональном масштабе. И хотя в первый период своего существования ФРГ и ГДР были существенно ограничены в суверенитете и не могли проводить самостоятельную внешнюю политику, их создателям приходилось учитывать в той или иной степени позицию своих «протеже». Этот фактор оказал, на наш взгляд, существенное влияние на дальнейшее решение «германского вопроса», в том числе в 1952 году, когда советское руководство выступило с инициативой объединения Германии на основе вооруженного нейтралитета, вошедшей в историю как «нота Сталина».

«Нота Сталина» 1952 года – упущенная возможность для объединения Германии?

10 марта 1952 года правительство СССР направило ноту идентичного содержания правительствам США, Великобритании и Франции. Основные положения советского проекта мирного договора были следующие: восстановление Германии как единого, независимого и демократического государства; вывод всех оккупационных войск с ее территории не позднее одного года после вступления в силу мирного договора; обеспечение всем лицам, находящимся под германской юрисдикцией, демократических прав и свобод; свобода деятельности для всех демократических партий и организаций; для бывших рядовых членов нацистской партии предусматривались равные гражданские и политические права; запрещались организации, выступающие против демократии и мира. Германия обязывалась не участвовать ни в каких военных коалициях и союзах, при этом ей разрешалось иметь национальные вооруженные силы и военную промышленность, необходимую для обеспечения собственной безопасности. Территория Германии определялась границами, установленными Потсдамской конференцией. Впоследствии предусматривался прием Германии в ООН.²

Фактически Советский Союз предложил объединение Германии на основе вооруженного нейтралитета. При этом данный проект не был последним словом Москвы. В сопроводительной ноте указывалось, что СССР готов «рассмотреть и другие предложения по этому вопросу»³.

9 апреля в ответной ноте западным державам СССР уточнил свое предложение и высказался за проведение «свободных всеобщих выборов» в Германии для образования общегерманского правительства.

Приблизиться к пониманию причин, побудивших советское руководство выступить с данными предложениями, могут помочь документы, хранящиеся в Российском

---

² Родович Ю.В., О «Ноте Сталина» от 10 марта 1952 г. по германскому вопросу. Новая и новейшая история, 2002, №5, С. 72, Walter Osten, Die Deutschlandpolitik der Sowjetunion in den Jahren 1952/1953, Osteuropa, Zeitschrift fuer gegenwartsfragen des Ostens, Januar 1964, S.8-9

³ Loth W. Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte. Berlin, 1994. S. 180

государственном архиве социально-политической истории. Так в приложении № 3 к протоколу № 86 решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 марта 1952 г., в котором содержалось указание послу СССР в Варшаве, отмечалось, что «на протяжении последнего полугодия в ГДР и в Западной Германии была развернута кампания, связанная с обращением народной палаты ГДР к "боннскому бундестагу" о проведении общегерманских выборов в Национальное собрание с целью создания единого демократического миролюбивого германского государства. «Однако в настоящее время, - говорилось в документе, особенно учитывая тот факт, что правительства США, Великобритании и Франции стремятся навязать Западной Германии так называемый "генеральный договор", чтобы подменить им мирный договор и ускорить вовлечение Западной Германии в военные члены Атлантического блока, проведенные мероприятия уже недостаточны. Возникает необходимость этим агрессивным планам трех держав в отношении Западной Германии противопоставить положительную программу мирного урегулирования с Германией"⁴.

Многие российские исследователи, например, Н.И. Егорова, изучившая документы РГАСПИ, а также Ф.И. Новик, построившая свое исследование на документах архива российского министерства иностранных дел пришли к выводу, что «оперативные цели, связанные с этой нотой, заключались в том, чтобы активизировать в Западной Германии движение за мир и против войны, противопоставить углублению раскола Германии позитивную программу движения к объединению страны и заключения мирного договора с Германией»⁵.

В Москве надеялись, если «не торпедировать, то хотя бы заморозить процесс вовлечения ФРГ в военный союз Запада». В советском руководстве существовали расчеты и на усиление нейтралистских группировок в ФРГ, на оживление их борьбы за создание единой нейтральной Германии, что могло бы, «увеличить давление этих сил на боннское правительство и оказать сдерживающее влияние на милитаризацию Западной Германии в рамках западного сообщества»⁶.

В целом, мнения российских и германских исследователей относительно оперативных целей советских инициатив, практически совпадают. То, что нота была призвана остановить военную интеграцию ФРГ с Западом, подтверждают и архивные материалы. Дискуссионным остается вопрос: как далеко был готов пойти Сталин, в решении этого вопроса?

Возможно, правы те, кто считает, что, предлагая объединение Германии весной 1952 года, Кремль заранее был уверен в отрицательной реакции Запада и уже тогда рассматривал

---

⁴ РГАСПИ, Ф. 17, оп.3, д. 1093, л. 57; Цит. по: Родович Ю.В., О «Ноте Сталина» от 10 марта 1952 г. по германскому вопросу. Новая и новейшая история, С.71

⁵ Новик Ф.И. «Оттепель» и инерция холодной войны (Германская политика СССР в 1953-1955 гг.), М., 2001, С.

⁶ Там же. С.31

демаркационную линию между Западной и Восточной Германией как постоянную государственную границу?⁷

Если нет, то, что означало для советского вождя «свободное, демократическое, миролюбивое государство» Германия? Ведь в советской ноте ничего не говорилось о том, кто и как должен был отличать «демократические партии и организации», от «враждебных демократии и миру». Готов ли был Сталин пожертвовать ГДР ради создания единой нейтральной Германии? И многим ли ему пришлось бы жертвовать?

Существует несколько вариантов ответа на этот вопрос. Согласно первой версии «советское руководство не стремилось к созданию единой Германии без оглядки на ее политическую систему. Оно исходило из того, что единство Германии должно быть установлено одновременно с коммунистическим режимом и было рассчитано в долгосрочной перспективе на введение советской системы».⁸

Вторая версия заключается в том, что исходя из интересов безопасности, Сталин действительно стремился к компромиссу, которым могла стать единая нейтральная Германия. Тогда, в начале 1950-х годов, мир еще находился под впечатлением атомной бомбардировки японских городов и успешного испытания советского ядерного заряда, поэтому угроза новой мировой войны, которая привела бы к уничтожению человечества, представлялась вполне реальной. Детонатором могла стать Германия с ее неопределенным статусом и клубком противоречий. Угрозу следующей войны и хотел отвести Сталин, предлагая в марте 1952г. объединение Германии на основе нейтралитета. Ради этой цели он был готов пойти на значительные уступки, в том числе отказаться от строительства социализма в ГДР⁹.

По мнению немецкого исследователя В. Лота, Сталину не пришлось бы платить столь «высокую цену», поскольку «он не считал, что в ГДР есть социализм»¹⁰.

В качестве одного из доказательств серьезности намерений Сталина ученые приводят выдержки из его беседы с лидером итальянских социалистов Пьетро Ненни¹¹. В ходе беседы, которая состоялась вечером 17 июля 1952 г (к тому моменту позиция западных держав уже была определена) Сталин сказал ему, что «Политбюро в первой ноте действительно было готово пойти на жертвы, чтобы достичь объединения Германии»¹². Что касается настоящего времени, то, по сообщению Ненни, Сталин принял тот факт, что в современных условиях объединить Германию невозможно: «Еще несколько месяцев назад Советское правительство

---

⁷ См. подробнее: Дж. Бейли, С. Кондрашев, Д. Мерфи Поле битвы – Берлин. М. 2002.

⁸ Wettig G. Die Note vom 10. Maerz 1952 im Kontext von Stalins Deutschland-Politik seit dem Zweiten Weltkrieg.// Die Stalin – Note vom 10. Maerz 1952, Muenchen 2002, S. 192

⁹ Steininger R. Die Westmaechte, Adenauer und die Stalin Note vom 10. Maerz 1952.// Das Jahr 1952: Europa am Scheideweg, Jena, 2002

¹⁰ Loth W. Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte. Berlin, 1994. S. 182

¹¹ Например: Steininger R., Deutsche Geschichte 1945-1961, Frankfurt /M., 1983, S. 409, Loth W., Op. Sit., S. 181

¹² Loth W. Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte. Berlin, 1994. S. 181

было готово сделать существенные уступки, чтобы создать объединенную и нейтральную Германию. Сейчас время ушло». На вопрос П. Ненни, связано ли это с перспективой ратификации договора о Европейском оборонительном сообществе, Боннским договором и вероятным избранием Д. Эйзенхауэра президентом США, Сталин ответил утвердительно¹³.

Российские исследователи пока не располагают архивной записью беседы Сталина с Ненни. Существует два варианта этого разговора: первый находится в архиве министерства иностранных дел Великобритании и передает содержание беседы Сталина с Ненни на основании сообщений посла Италии в СССР М. Ди Стефано, которого Ненни навещил накануне своего отъезда из Москвы; второй был передан в Вашингтон бывшим послом США в Москве Дж. Кеннаном¹⁴. Эти версии немного расходятся. Так в американском варианте отсутствует фраза о готовности Сталина пойти на жертвы ради объединения Германии, но зато приводятся опасения Отто Гротевоя и Вильгельма Пика, с которыми Ненни встречался перед визитом в Москву в начале 1951 года.¹⁵ Восточногерманские руководители были озабочены тем, «что советское правительство проводит политику, которая потребует от них больших жертв, и что скоро они в Германии могут оказаться в такой же ситуации, как Ненни в Италии»¹⁶.

На наш взгляд, наиболее достоверными являются выдержки из тех посланий, которые Форин оффис получил непосредственно из итальянского посольства. Американская версия их не опровергает. Поэтому нам кажется оправданным использовать данный источник в качестве доказательства серьезности советских предложений.

Отношение восточногерманского руководства к мартовской ноте, является, на наш взгляд, весьма красноречивым. Если бы инициативы Москвы были нацелены только на торпедирование военной интеграции ФРГ с Западом и не подразумевали реального объединения Германии на основе «свободных выборов», немецкие коммунисты не стали бы проявлять такую озабоченность. Ведь в случае проведения честного голосования, они не смогли бы сохранить свои лидирующие позиции. Реакция руководства ГДР подтверждает серьезный настрой советской стороны.

Так, например, министр государственной безопасности ГДР Вильгельм Цайссер, по свидетельству его сотрудников в 1953 г., в одной из частных бесед весной 1952 года оценил советские предложения следующим образом: «нельзя было исключить, что Советский Союз в интересах поддержания международного мира был готов пойти на компромисс и отказаться

---

¹³ Цит. по: Егорова Н.И., Военно-политическая интеграция стран Запада и реакция СССР (1947-1963), <http://usatruth.by.ru/c2.files/holodnajavojna5.htm>

¹⁴ Ruper H-J. Zu den sowjetischen Deutschlandnoten 1952. Das Gespraech Stalin – Nenni, Vierteljahrshefte fuer Zeiteschichte 1985, S. 547-548

¹⁵ Ebd. S. 549

¹⁶ Цит. по: Loth W. Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte. Berlin, 1994. S. 182

от Германской Демократической Республики... Тогда ни он не был бы больше министром, ни Мильке госсекретарем»¹⁷.

Потеря собственных позиций всерьез беспокоила руководство ГДР. И с этой точки зрения принятие западными державами советского предложения не было в их интересах. Показательным является факт, что за два года до появления ноты В. Ульбрихт позиционировал себя как ярый противник нейтралитета Германии. В феврале 1950 г. он говорил, что «нейтралитет означает прямое поощрение военных интересов...это могло бы облегчить намерения монополистического капитализма».¹⁸ Однако уже в январе 1952 года Ульбрихт вынужден признать, что «от господства коммунизма в Германии придется отказаться».¹⁹ Правда, в его понимании лишь на время.

В мае 1960 г. он скажет окружным делегатам СЕПГ: «Наше предложение 1952 года было связано для ГДР и трудящихся с большим риском. Тогда ГДР не была еще столь прочна, и не всему населению вопросы безопасности мира, объединения и характера западногерманского господства были так ясны, как сейчас. Эта был бы долгий путь борьбы в Германии. Но в последний момент прогрессивные силы получили бы перевес»²⁰.

Как видим, В. Ульбрихт признал, что советское предложение могло привести к отказу от ГДР и потери власти СЕПГ. Однако немецкие коммунисты были готовы бороться за сохранение своих позиций на территории всей Германии. Теория классовой борьбы очень сильно отразилась на восприятии действительности восточногерманским руководством. Для многих лидеров СЕПГ была характерна переоценка собственных возможностей. Когда на заседании Политбюро СЕПГ 25 марта состоялась дискуссия, о том «как будет выглядеть объединенная Германия», был сделан очень оптимистический вывод: «Так, как захочет немецкий народ. Общегерманские выборы приведут к падению Аденауэра, так как и в Западной Германии патриотические силы становятся все сильнее».²¹

14 марта 1952 г. О. Гротеволь, выступая перед Народной палатой ГДР, потребовал от Аденауэра прекратить переговоры с западными державами. Кроме того, он констатировал, что «экономика объединенной Германии должна быть организована согласно пятилетнему плану ГДР, что все организации ФРГ, которые носят враждебный миру характер, после объединения должны исчезнуть». В качестве примера демократических свобод он привел ГДР: «В Германской Демократической Республике осуществляет обязанности правительство, наделенное доверием всех народных кругов, в то время как в Западной Германии тяжелые

---

¹⁷ Ebd. S.182

¹⁸ Osten W. Die Deutschlandpolitik der Sowjetunion der Sowjetunion in den Jahren 1952/1953. Osteuropa. Zeitschrift fuer Gegenwartigen des Ostens. 14 Jahrgang, Heft 1, Januar 1964, S. 9

¹⁹ Loth W. Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte. Berlin, 1994. S. 183

²⁰ Ebd. S. 182

²¹ Ebd. S. 183

судьбоносные решения принимает канцлер, который пренебрегает народом и парламентом»²².

Подобные заявления никак не придавали привлекательности советским предложениям. Более того, они усиливали аргументы тех, кто выступал против них. Перспектива построения во всей Германии демократии по советскому или гедезеровскому образцу вызывала опасения даже у оппозиции.

В западной прессе это выступление оценили следующим образом: «Гротеволь этим не только не подсластил советское предложение западным немцам, но сделал его еще кислее». Министр ФРГ по общим вопросам Я.Кайзер, выступивший в начале за изучение советской ноты, был вынужден признать, что «речь Гротеволья подтвердила вывод о том, что решающие перемены в советской политике в отношении Германии еще не наступили»²³.

Немецкий исследователь Герман Грамль, считает, что именно эти высказывания наглядно демонстрируют, каковы были истинные намерения Москвы²⁴. Нам представляется неправильным ставить знак равенства между советской политикой и желаниями руководителей ГДР, поскольку они не хотели рисковать своими лидирующими позициями и если и рассчитывали на объединение Германии, то не так быстро и при условии собственной победы.

На наш взгляд, весной 1952 г. Сталин действительно хотел достичь компромисса с Западом и мог пойти на большие уступки. Поэтому предложения Советского Союза можно рассматривать как шанс для объединения Германии. Однако этот шанс был существенно ограничен тем, что широкая часть коммунистического аппарата и руководства СЕПГ продолжала думать категориями классовой борьбы и допускала единство Германии только при своей ведущей роли. Противоречия в трактовке содержания ноты и различные толкования демократических понятий между Востоком и Западом, которые были предопределены, могли помешать или даже провалить переговоры по объединению, если бы до них дошло дело. В любом случае они давали дополнительные аргументы в руки тех, кто не хотел идти на компромисс и использовать «ноту Сталина» для решения германского вопроса.

Какова же была реакция западных держав и ФРГ на советские предложения 1952г.? Ученые, публицисты и политики часто упрекали их в том, что они «не изучили глубоко» ноту, не исследовали все возможности, не проверили, насколько серьезной была эта инициатива. Почему так произошло? Какими целями и расчетами руководствовались западные державы, отклоняя советские предложения?

По мнению немецкого историка Рольфа Штайнингера, который подробно исследовал реакцию западных держав на советское предложение, в начале они не были едины в оценке

²² Taegliche Rudschau, 15.3.1952, Die Sowjetische Deutschlandpolitik 1949 – 1953, Duesseldorf, 1962, S.139

²³ Цит. по: Graml G. Die Legende von der verpassten Gelegenheit., Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte. 1981, S.322

²⁴ Ebd. S.323

ноты. Американский посол в Москве не мог себе представить, чтобы «Советы разрешили провести в ГДР свободные выборы и тем самым сдали бы свой контроль над этой страной. Министр иностранных дел Ачесон был напротив «явно впечатлен... тон ноты совсем другой, нежели предыдущих» и был в предвкушении следующего шага русских²⁵.

Спустя несколько дней, 16 марта, Верховный комиссар в Боне Макклой отметил, что существуют разные мнения о причинах и характере советского предложения. Однако большинство рассматривают его, как советскую политику обструкции: «Вероятно, Кремль верит в успех военного строительства Западной Европы больше, чем мы сами».²⁶ Однако уже 29 марта Макклой пришел к выводу, что «Кремль сделал немцам удивительно ясное предложение, даже если учитывать известную советскую семантику. Теперь немцы сами смогут оценить все преимущества и недостатки политики интеграции». Более того, он не исключал, что «следующим своим шагом Кремль будет решительно идти к цели, а именно, изолировать в Германии Аденауэра, отцепить Германию от Западной Европы, Западную Европу от Соединенных Штатов»²⁷

Париж реагировал на ноту примерно также. Если вначале французский посол докладывал, что вывод западных войск из Германии не является целью Советского Союза, то через два дня он оценивал ситуацию совсем иначе: «советское предложение – это больше чем тактический шаг», а именно «серьезно обдуманная, но очень опасная попытка решить германский вопрос»²⁸.

Как оценили это предложение немцы? 11 марта 1952 г. стал тяжелым днем для канцлера ФРГ К. Аденауэра. На заседании кабинета министр по общегерманским вопросам Якоб Кайзер потребовал от Аденауэра тщательного изучения советского предложения и упрекнул его в том, что он «не должен быть большим американцем, чем сами американцы»²⁹. Не давал канцлеру спокойствия и лидер оппозиции Курт Шумахер. Однако, несмотря на этот инцидент, в тот же день Аденауэр сообщил верховному комиссару (совсем иначе, чем он представил все в своих воспоминаниях)*, что «нота ни коим образом не будет влиять на политику его правительства». «Кабинет пришел к выводам, что для неинформированного читателя нота содержит некоторые заманчивые пункты. Цель, естественно, нейтрализация Германии, что благодаря предложению создать свои вооруженные силы, выглядит очень

---

²⁵ Steininger R. Die Westmaechte, Adenauer und die Stalin Note vom 10. Maerz 1952.// Das Jahr 1952: Europa am Scheidenweg, Jena, 2002, S.26

²⁶ Цит. по: Steininger R. Die Westmaechte, Adenauer und die Stalin Note vom 10. Maerz 1952.// Das Jahr 1952: Europa am Scheidenweg, Jena, 2002, S.26

²⁷ Ebd. S. 27

²⁸ Ebd. S.28

²⁹ Ebd. S.31

* Тогда как в его воспоминаниях мы читаем: «Я очень приветствовал, что три западные державы после оглашения русской ноты объявили мне 11 марта: «Мы будем продолжать наши переговоры о Европейской оборонительной сообществе и договоре с Германией так, как если бы этой ноты не было».

заманчиво. Но федеральное правительство не хочет национальной армии и, кроме того, у него нет средств для ее создания. Бросается в глаза и то, как они (СССР) льстят нацистам и военным. Он полагает и надеется, что западные державы ответят на ноту быстро, поскольку до этого момента общественное мнение будет очень беспокойным. Он верит в то, что западные державы не пойдут на четырехстороннюю конференцию»³⁰.

При формулировке ответа на советскую ноту инициативу перехватил Форин офис. 12 марта министр иностранных дел Иден принял послов Франции и США с тем, чтобы обсудить дальнейшие шаги. Он обозначил ноту как «важный прогресс в отличие от прежних предложений», который до сих пор делал Советский Союз, будь то «очень хитрый маневр», чтобы предотвратить интеграционную политику, или, что так же возможно, «серьезное желание» объединить Германию. По мнению Идена, следовало продолжить переговоры по созданию ЕОС и подписанию договора с Германией: «Возможно, Советы сделают еще более привлекательное предложение. Насколько они серьезны, покажет тема свободных общенемецких выборов под интернациональным контролем, показательным является тот факт, что именно этот пункт в ноте не упоминается»³¹.

Послы согласились с Иденом, и выразили мнение, что нота – успех западной политики, и что Советский Союз теперь, вероятно, готов заплатить высокую цену, дабы предотвратить интеграцию ФРГ с Западом. В любом случае это предложение было расценено как неприемлемое. И хотя «решительная реакция Аденауэра» обрадовала представителей западных держав, они не сбрасывали со счетов, что «советские предложения очень привлекательны для социалистов и «нейтралистов»³².

Как видим, интеграция ФРГ и длительный раздел Германии оказались наиболее оптимальным решением для западных держав. Первый проект ответа на советскую ноту был составлен уже 13 марта. При этом западные державы оказались в щекотливой ситуации. С одной стороны, им нужно было помочь Аденауэру в борьбе с оппозицией и сделать так, чтобы их ответ не вызвал возмущения у тех, кто считал, что не надо торопиться с интеграцией, пока неиспробованы все возможности договориться с Советским Союзом. С другой стороны, Москве нужно было дать понять, что интеграционный процесс ФРГ в структуры Запада уже не остановить. Поскольку риск того, что СССР согласится на свободные выборы, был слишком велик, необходимо было выдвинуть более тяжелые условия. При этом западные аналитики сделали ставку на время и не спешили с ответом.

О том, как проходила подготовка ответной ноты, проясняет заметка Идена, сделанная им на одном из проектов. Составитель этого проекта В. Стренг сделал ставку на свободные

---

³⁰ Steininger R. Die Westmaechte, Adenauer und die Stalin Note vom 10. Maerz 1952.// Das Jahr 1952: Europa am Scheidenweg, Jena, 2002, S 32

³¹ Ebd. S.28

³² Ebd. S.28

выборы. В согласие СССР с этим условием он не верил, однако предположил, что «русские могли бы согласиться со всеми условиями проведения свободных выборов, исходя из расчета, что ХДС в Восточной Германия слабая и общегерманское правительство образует Шумахер, что остановит политику Аденауэра интеграции с Западом и приведет к политике нейтралитета и колебания между Востоком и Западом».³³

Действительно с конца 1952 года лидер СДПГ Шумахер стал придерживаться взглядов нейтрализма. Учитывая, что при проведении всеобщих германских выборов шансы СДПГ на победу были довольно значительны, можно говорить о том, что курс СССР на сближение с установками оппозиции был вполне оправдан. Совпадение государственных интересов СССР с установками оппозиции при благоприятном исходе советской инициативы 10 марта 1952 года могло привести к образованию Германии, ведущей политической силой в которой стали бы социалисты. И даже если рассматривать вариант, при котором СДПГ и ХДС/ХСС уравнивали бы друг друга, то, фракция КПП/СЕПГ, пусть и небольшая, могла бы играть роль балансира. В любом случае такая Германия была бы дружественнее настроена по отношению к СССР, чем ФРГ Аденауэра.

25 марта 1952 г. три западные державы передали в Москве идентичные ноты. Министр иностранных дел А.Я. Вышинский принял послов лично и беседовал с ними около 30 минут. По мнению Идена, это было «необычно» для подобного повода и свидетельствовало о серьезности инициативы, предпринятой в начале марта Москвой. Вышинский дал ясно понять, что членство объединенной Германии в НАТО и ЕОС для Москвы неприемлемо. «Советский Союз, - по мнению американского посольства в Москве, - вероятно, рассматривал свое предложение как «наиболее привлекательное, из всех возможных: единство плюс национальная армия, плюс мир – очень трудно предложить более высокую цену».³⁴

Советская нота от 9 апреля 1952 г. признавала пункт о свободных выборах, но под контролем четырех держав-победительниц, а не комиссии ООН, как предлагали западные державы. Формально позиция СССР была более сильной, поскольку по Уставу ООН германская проблема не входила в ее компетенцию.

Таким образом, после возникшего в начале замешательства западные державы пришли к выводу, что нота Сталина была серьезно обдуманной и далеко идущим по своим последствиям шагом. Однако Запад не был готов принять этот «опасный» для него вариант решения германской проблемы. Создание единой, но нейтральной Германии было невыгодным предложением для западных держав, поскольку последующее развитие событий было бы связано для них со значительными рисками. Сохранить свое влияние на всю

---

³³ Steininger R. Die Westmaechte, Adenauer und die Stalin Note vom 10. Maerz 1952.// Das Jahr 1952: Europa am Scheideweg, Jena, 2002, S.29

³⁴ Steininger R. Die Westmaechte, Adenauer und die Stalin Note vom 10. Maerz 1952.// Das Jahr 1952: Europa am Scheideweg, Jena, 2002, S.30

Германию (вероятно уже без Аденауэра) им было бы гораздо сложнее. Раздел страны в данном случае представлял для западных держав наиболее оптимальное решение. Именно поэтому в своей ответной ноте ими были выдвинуты заранее неприемлемые для советской стороны условия: если с организаций свободных выборов Сталин еще мог согласиться, то с правом будущего немецкого правительства самостоятельно определять в какие союзы и коалиции ему входить - ни в коем случае. Советский Союз всеми силами стремился помешать Западу интегрировать в свои военные союзы одну часть Германии, тем более он не стал бы так рисковать всей страной.

Решающей, на наш взгляд, оказалась позиция Аденауэра. Поскольку он активно выступал за интеграцию Германии с Западом и за создание ЕОС, то представителям западных оккупационных держав практически не пришлось всерьез задуматься о том, что возможен другой вариант развития события. Своей позицией Аденауэр укреплял и даже подталкивал Запад к дальнейшей интеграции ФРГ в западные военные союзы. Тем более что оппозиции не смогла оказать достаточного сопротивления. Фактически это ответные ноты Запада, а не советская инициатива стали тактическим маневром, призванным ввести в заблуждение немецкую общественность и выиграть время для подписания общего договора с Германией и договора об ЕОС.

Курс на строительство в ГДР социализма.

После того как западные державы в своей ответной ноте от 25 марта 1952 г. высказались за проведение свободных выборов под контролем ООН и выступили за наделение будущего немецкого правительства правом самому определять, в какие коалиции и союзы ему вступать, Москве стало ясно, что остановить подписание «генерального договора» с ФРГ и ее военную интеграцию с Западом не удалось.

Рассмотрим, как неприятие западными державами мартовской ноты отразилось на позиции Сталина в германском вопросе. Какие последствия это имело для советской внешней политики?

Ответить на эти вопросы поможет анализ бесед И.В. Сталина с руководителями СЕПГ В. Пиком, В. Ульбрихтом и О. Гротеволем, которые состоялись в Москве в начале апреля 1952г.

Первая встреча Сталина с руководителями СЕПГ произошла 1 апреля, неделю спустя после ответа западных держав на советскую ноту от 10 марта 1952г. Беседу начал президент ГДР В. Пик. Свое выступление он сосредоточил на задачах, вытекающих «из заключения общего договора, который, вероятно, будет подписан западными державами и боннским правительством в мае этого года». В. Пик спрашивал: «Какую военную защиту должна создать Германская Демократическая Республика в связи с угрозой с Запада? Сейчас в ГДР

имеется народная полиция, но это – не защита. Полиция вооружена слабо, имеет плохие револьверы, у которых нет патронов»³⁵.

Далее последовало детальное обсуждение создавшегося положения:

«Тов. Ульбрихт замечает, что такой полиции нет нигде в мире, и что она сама не может защититься от преступных элементов.

Тов. Сталин спрашивает, - почему? Вы сами виноваты, что создалось такое положение.

Ульбрихт говорит, что полиция вооружена старым немецким оружием, для которого не имеется нужного количества патронов, и что сама ГДР не могла производить оружие для народной полиции, так как это запрещено четырехсторонними постановлениями.

Тов. Сталин замечает, - вы плохо поняли свои права. Вы имеете полное право содержать вою полицию, хорошо вооруженную и обученную.

Тов. Молотов замечает, - и производить необходимое для нее вооружение».

И дальше последовал очень интересный обмен мнениями:

«Тов. Пик говорит, это очень хорошо. Пик спрашивает, нужно ли принимать шаги по созданию немецкой армии в Германской Демократической Республике?

Тов. Сталин говорит, - не шаги, а армию создавать надо. Что такое шаги?»³⁶

Возможно, вопрос Пика о необходимости создания собственной армии в ГДР был подсказан советской стороной. Реакция Сталина и последующее затем подробное обсуждение деталей, свидетельствуют о том, что эта идея не была спонтанной. Однако, тот факт, что до этого момента в восточной Германии не было создано вооруженных сил, может говорить о том, что идея объединения Германии на основе нейтралитета рассматривалась Сталиным всерьез и была до весны 1952 года одной из основных целей внешней политики Советского Союза. Фактический отказ Запада от советских предложений привел Сталина к пересмотру позиции по германскому вопросу. Он больше не верил в успех создания единой нейтральной Германии и именно поэтому в условиях ускоряющейся военной интеграции ФРГ с Западом спешил укрепить восточногерманскую границу. В уже цитировавшейся беседе с итальянским послом Ненни Сталин объяснил, что он «намеривается для создания военного равновесия между Западом и Востоком противопоставить силам НАТО в Западной Германии равную по силе восточногерманскую армию»³⁷.

В целом беседа носила как бы предварительный характер. Более подробно на вопросы немецкой делегации Сталин ответил в ходе второй встречи 7 апреля.

Так отвечая на поставленный Пиком в ходе первого разговора вопрос «о дальнейших перспективах развития Германии в связи с советскими предложениями о мирном договоре и

³⁵ Запись беседы с тов. Сталиным И.В. руководителей ЦК Социалистической Единой Партии Германии В. Пика, В. Ульбрихта и О. Гротевоя. 1 апреля 1952 г., Источник № 3, 2003, С. 115

³⁶ Там же. С. 116

³⁷ Loth W. Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte. Berlin, 1994. S. 186

политикой американцев и англичан в Германии», Сталин ответил: «Какие бы предложения мы не вносили по германскому вопросу, западные державы не согласятся с ними и все равно не уйдут из Западной Германии. Думать, что выйдет компромисс, или, что американцы примут проект мирного договора, значило бы ошибаться. Американцам нужна армия в Западной Германии, чтобы держать в руках Западную Европу. Они говорят, что имеют там армию против нас. На самом деле назначение их армий состоит в том, чтобы держать в руках Западную Европу. Американцы вовлекут Западную Германию в Атлантический пакт. Они создадут западногерманские войска. Аденауэр сидит в кармане у американцев. Все бывшие нацисты и генералы – тоже. На деле в Западной Германии образуется самостоятельное государство. И вы должны организовать свое собственное государство. Демаркационную линию между Западной и Восточной Германией нужно рассматривать как границу, - и как не простую границу, а как опасную границу. Нужно усилить охрану этой границы. На первой линии охраны будут стоять немцы, а на вторую линию охраны мы поставим русские войска...».³⁸

Никогда ранее Сталин не говорил столь определенно и открыто о создании двух германских государств. В связи с этим встает вопрос: как представлял себе Сталин дальнейшее развитие восточногерманского государства, какие формы оно могло принять?

Проанализируем содержание беседы дальше:

Тов. Ульбрихт говорит, что до сих пор мы говорили в ГДР, что мы стоим за демократическую Германию и не проводили ряда мер, которые нужно проводить при развитии в направлении к социализму.

Тов. Сталин говорит, что это было правильно.

Тов. Ульбрихт спрашивает, должны ли мы будем после глубокого раскола Германии продолжать прежнюю тактику?

Тов. Сталин говорит, что кричать о социализме не нужно и теперь. Но производственные кооперативы – есть кусочки социализма. Народные предприятия – это тоже социализм.

Тов. Ульбрихт говорит, что до сих пор мы об этом не говорили и не указывали, что народные предприятия являются социалистическими. Мы немного маскировали возникшие в ГДР общественные отношения.

Тов. Сталин говорит, что эта маска Вам помогла не запугать средние слои Западной Германии... Хотя в Германии создаются два государства, кричать о социализме пока не стоит»³⁹. Надо продолжать пропаганду единства Германии, - отметил он,- все время. Это

---

³⁸ Там же. С. 122.

³⁹ Запись беседы с тов. Сталиным И.В. руководителей ЦК Социалистической Единой Партии Германии В. Пика, В. Ульбрихта и О. Гротевоя. 1 апреля 1952 г., Источник № 3, 2003, С.124

имеет большое значение для воспитания народа в Западной Германии. Сейчас это оружие у Вас в руках, его надо все время держать в своих руках. Мы тоже будем продолжать делать предложения по вопросам единства Германии, чтобы разоблачать американцев»⁴⁰.

Как видно из этих высказываний, и после неудачи советских предложений Сталин не отказался от лозунга объединения Германии, однако не столько с целью ее реального воссоединения, сколько для разоблачения политики западных держав. Вероятно, он сильно разочаровался отсутствием массового движения немцев за объединение. Отсюда и смещение акцента в его отношении к германской проблеме: отныне тезис о государственном единстве Германии из средства борьбы за объединение страны превращался в инструмент пропагандистского разоблачения американского империализма. Теперь, когда стало ясно, что остановить военную интеграцию ФРГ с Западом не удалось, главные усилия следовало сосредоточить на укреплении ГДР и создании восточногерманской армии. Рекомендации, которые Сталин дал в ходе последней встречи руководству СЕПГ, должны были усилить социалистические элементы в развитии их государства и тем самым еще больше связать его с Советским Союзом.

30 мая 1952г. Секретариат ЦК СЕПГ принял решение - центральный лозунг предстоящей второй партийной конференции «Заключение мирного договора, установление единства отечества на демократической основе и осуществление народнохозяйственного плана в важнейшие годы пятилетки» заменить лозунгом «Вперед за мир, единство, демократию и социализм».

24 июня 1952г. Политбюро одобрило это решение и 1 июля запросило мнение Сталина по этому вопросу. В отправленном 2 июля письме Ульбрихт обращал внимание Сталина на то, что «в Германской Демократической Республике значительно развилась инициатива рабочего класса и трудящихся». «Это имеет большое значение, - подчеркивалось в документе, - для защиты Германской Демократической Республики от вражеских диверсий и саботажа, а также для организации вооруженных сил Германской Демократической Республики».⁴¹

Исследователь В. Лот рассматривает это письмо, как попытку Ульбрихта оказать давление на Кремль, чтобы добиться одобрения проводимого им курса. Тем самым он давал Сталину понять, что «ГДР не станет жертвой наступления классового врага лишь в том случае, если СЕПГ поведет ее к социализму».⁴² Фактически согласие Москвы должно было гарантировать руководству ГДР, что больше их государство не будет рассматриваться в качестве предмета для торга с Западом.

8 июля 1952 г. Политбюро ЦК КПСС одобрило курс на «строительство социализма» в

⁴⁰ Запись беседы с тов. Сталиным И.В. руководителей ЦК Социалистической Единой Партии Германии В. Пика, В. Ульбрихта и О. Гротевоя. 1 апреля 1952 г., Источник № 3, 2003, С. 125

⁴¹ Ebd. S. 188

⁴² Ebd. S. 188

ГДР.

Таким образом, отказ Западных держав в 1952 году от советского предложения объединения и нейтрализации Германии существенно повлиял на взгляды Сталина в германском вопросе. Утверждение некоторых авторов, что именно после неудачи нотного наступления 1952 года Сталин взял курс на строительство социализма в ГДР, на наш взгляд, является спорным. Мы считаем, что, прежде всего, был взят курс на создание восточногерманской армии, как противовес западной политики включения ФРГ в свои военные структуры. И этот курс не подразумевал поспешного перехода к социализму, хотя и предусматривал усиление социалистических элементов в развитии ГДР. Создание в ГДР собственных вооруженных сил должно было привести к установлению военного равновесия между Востоком и Западом, которое в дальнейшем при стечении определенных обстоятельств могло рассматриваться и как дополнительный фактор для торга с бывшими союзниками. Последовавшее вскоре одобрение Москвой курса на строительство социализма в ГДР никак не нарушало главных целей советской внешней политики в тот период. На наш взгляд, после отклонения западными державами советских предложений об объединении Германии первоочередной задачей для Сталина стало укрепление ГДР в военном отношении, и только затем строительство в ней социализма.